

Тема номера

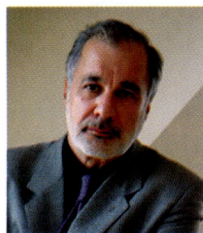
Конец 2011 года ознаменовался двумя очень важными событиями: состоялись Национальный фестиваль архитектуры и съезд Белорусского союза архитекторов. События значимые для архитектурной общественности и в то же время неоднозначные, вызвавшие множество вопросов, в первую очередь профессиональных.

Образ белорусской архитектуры, какой она должна быть сегодня, современные тенденции проектирования и строительства, государственные градостроительные программы и их реализация... Об этом мы планируем говорить на страницах нашего журнала. За первым «круглым столом» собрались преподаватели архитектурного факультета БНТУ – головной архитектурной школы, ответственной за подготовку будущих зодчих, которым предстоит проектировать общественные и промышленные здания, жилые районы, парки, города... Чему учат в школе, возможности взаимопроникновения теории и практики, традиции в архитектуре, дух места, реставрационное дело, профессиональные конкурсы – эти и другие вопросы стали предметом обсуждения известных белорусских теоретиков архитектуры. Итак, слово учителям.

ЧУВСТВОВАТЬ ДУХ МЕСТА...

Армен Сергеевич САРДАРОВ,

доктор архитектуры,
декан архитектурного
факультета БНТУ

– Прошедший фестиваль открыл много разноплановых аспектов. И главный из них – ощущение востребованности архитектуры в обществе, востребованности нашей деятельности. Это серьезный повод для разговора, высказывания своих мнений с целью создания предпосылок улучшения архитектуры. Тем более что наша педагогическая работа напрямую связана с ее будущим.

Конкурсы дипломных проектов – показатель совместного труда и творчества студентов и преподавателей. Результаты внушают оптимизм: выпускники БНТУ получили 18 призов на VI Республиканском и 5 на XX Международном (октябрь 2011 г., Ереван) конкурсах. Конкурс «Леонардо», очень важный для молодого «побега», несколько разочаровал. Здесь, к сожалению, уже в который раз побеждают не наши архитекторы...

Архитектура – синтетическое, комплексное искусство, которое влия-

ет на социальную, экономическую жизнь общества, экологию, эстетику. Все аккумулируется в архитектуре – она формирует среду жизни. Потому наши выпускники, архитекторы ответственны перед обществом, в свою очередь и ответственность педагогов очень велика.

Георгий Александрович ПОТАЕВ,

доктор архитектуры,
профессор кафедры
«Градостроительство»

– Мировоззрение архитектора формируется комплексом знаний, в первую очередь градостроительных, и преподаванию этих дисциплин уделяется большое внимание. Сейчас большая часть планеты живет в городах (в Беларуси порядка 75%, т.е. подавляющее большинство населения), которая сталкивается с 4 основными проблемами. 1-я – недостаточная пропускная способность уличной сети и нехватка мест парковки при стремительном росте автомобилизации. 2-я – ухудшение жилой среды массового жилищного строительства, вы-

званное переуплотнением застройки. 3-я – нерациональное размещение сети объектов обслуживания. 4-я – ухудшение архитектурно-художественных качеств городской застройки.

В учебном процессе мы ставим перед студентами эти проблемы и они пытаются их решать. Возьмем, к примеру, программу студенческой научной конференции. Темы докладов затрагивают широкий круг вопросов: градостроительные ошибки, глобальный город, экологичный город, креативный город, идеальное жилое образование в странах Европы и т.д. В курсовых и дипломных проектах мы также прорабатываем альтернативные решения по актуальным градостроительным проблемам. Это и города-спутники, и агрогородки, и новые транспортно-обслуживающие центры, туристские зоны, комплексы, трассы. В частности, сегодня транспортно-общественные центры стали одним из наиболее активно развиваемых объектов в крупных городах, и наши дипломники, аспиранты выполняют целый ряд проектов – с показателями, конкретными рекомендациями, выходят именно на те проблемные вопросы, которые еще не разработаны, на которые нет нормативов.

Кстати, о нормативах. Само название «Кодекс установившейся практики» – это нонсенс: почему только из практики мы должны выходить на нормы? Нормы должны быть в первую очередь научно обоснованы. Тем более что в них мы часто копируем не свой опыт, а соседних стран, даже Москвы, которая сегодня в градостроительном плане – одна сплошная огромная ошибка.

Надо отметить, что в последнее десятилетие в градостроительной политике было очень многое пересмотрено, сформированы основные направления развития, дважды корректировался закон о градостроительной и архитектурной деятельности. Но сегодня нам просто необходима разработка новых документов, таких как Национальная градостроительная доктрина, в которой будут освещены основные вопросы, направленные на решение имеющихся проблем и повышение эффективности развития с учетом стратегических интересов страны. Нужен Градостроительный кодекс, т.е. не рамочный закон, который теперь существует и объединяет такие крупнейшие направления, как архитектура, градостроительство и строительство, а свод законов, связанных с развитием городов, территорий Республики Беларусь, где были бы ответы на все главные вопросы.

Кроме того, есть еще одна важная особенность. Мы говорим об усилении градостроительной дисциплины, ответственности проектировщиков за свои решения. Безусловно, это необходимо, но сегодня махрово расцвели бюрократические процедуры на их пути. Чтобы получить разрешение на проектирование, согласовать и утвердить проект – проходят месяцы хождения по инстанциям, годы! Причем часто ведущих специалистов проверяют не всегда компетентные в нашей области люди. А это очень серьезная проблема для реального проектирования.

■ Армен Сардаров:

– Когда мы жили в социалистическом обществе, принцип равновесия, последовательной социальной поддержки осуществлялся в государственном масштабе и сильно влиял на теорию градостроительства, которая зиждилась на социальных приоритетах. Соответственно были построены и все принципы, например баланс между общественной и жилой застройкой. А в

XXI веке разве мы имеем теорию, которая отражала бы произошедшие изменения, учитывала новые?.. Нет. Наиболее яркий пример – зеленый диаметр Минска, который сейчас застраивается (!). Принцип сохранения здоровья, культуры, к сожалению, практически утрачен. Появляются жилые массивы без всяких общественных структур, структур обслуживания, не поддающиеся разумному объяснению точечные объекты. Просто инвестор, застройщик, наследники где-то лазейку – в законодательстве, в людях, – возводят свои «башни» в местах, которые им пришлось по вкусу. Но вокруг них – старая минская одноэтажная застройка, которая, кстати, имеет огромную ценность. Насколько сейчас с точки зрения науки мы способны прогнозировать грамотное развитие?

■ Георгий Потаев:

– Жизнь не стоит на месте. Развивается в том числе и теория градостроительства. Да и практика тоже серьезно изменилась. В советские времена в основе градостроительства лежала Афинская хартия 1933 г. и главным градостроительным документом был план зонирования территории. Сегодня, проектируя, весь мир разрабатывает уже не размещение функциональных зон, а документы, где учитываются процессы развития городов, связанные с теми изменениями, которые происходят постоянно. Естественно, эти планы не каждый день корректируются, но в них все время вносятся изменения. Т.е. сегодня мы должны перейти (и готовим к этому студентов) к непрерывному проектированию, мониторингу происходящих в городах процессов, внесению изменений в них. Общие тенденции, которые приняты всем цивилизованным человечеством, должны и у нас найти отражение – в наших документах и в нашей практике. И конечно, в проектах.

Мы стараемся нацеливать студентов на новые тенденции, которые сегодня существуют в мире. Но главное, чтобы это не заканчивалось с получением диплома и наши образовательные усилия имели продолжение на практике, чтобы это был целостный комплекс, в котором все взаимосвязано.

Сергей Алексеевич СЕРГАЧЕВ,

доктор архитектуры, профессор,
заведующий кафедрой
«Архитектура общественных
зданий»

– Одна из серьезнейших тем в процессе обучения – архитектура общественных зданий. Но как можно серьезно об этом говорить, если в прессе читаешь: «Суперсовременное, уникальное... Архитектура, аналоги которой есть только в Лас-Вегасе, Макао и Дубае. А в Европе это вообще первый и самый лучший». Речь идет о широко разрекламированном инвестиционном проекте «Маяк Минска». Но посмотрите, что там сделано. Это же худшие образцы brutally-панельных вариантов! А ведь все наверняка согласовывалось в кабинетах...

И вообще, архитектура сейчас как-то смело выводится в сферу обслуживания. Дескать, мы вынуждены «удовлетворять потребности заказчика». Нужна ли в такой ситуации наука – я очень сомневаюсь...

■ А. Сардаров:

– Можем ли мы говорить о национальных традициях в современной архитектуре?

■ С. Сергачев:

– Традиции в архитектуре – большая тема. Тут все сложно, архитектор хочет себя выразить, проявить свой талант, фантазию, свою индивидуальность. И у него есть на это право. Но он должен себя контролировать, чувствовать время, место и для чего это создается.

Реставрация комплекса Борисоглебской церкви в Новогрудке. Гран-при VI Республиканского конкурса дипломных проектов выпускников высших и средних специальных архитектурных школ. Дипломник И. Полонский, руководитель – доцент Г.А. Лаврецкий

Многие понимают под традицией формы крыш, окошки и т.д., но упускают самое главное. В народной архитектуре **нет глупостей**, там все продумано, обосновано. Сделано на первый взгляд совсем просто, но оно века просуществовало и до сих пор работает. А то, что мы видим сейчас и что я процитировал – это яркий пример глупости, поспешности.

■ А. Сардаров:

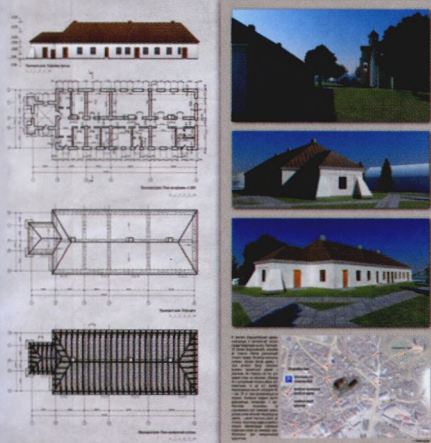
– Уходишь от вопроса. Ведь сколько возле Минска красивых мест! В Строчицах, например, прекрасный ландшафт, образцы народной архитектуры, идеально в него вписанной, все это вызывает массу хороших человеческих чувств. Ассоциативно, культурно, но почему там нет людей, почему наша молодежь тусуется бог знает где? Почему не едет туда?

■ С. Сергачев (С.С. – автор проекта музея народной архитектуры и быта в Строчицах. – Ред.):

– Поставлю вопрос иначе: почему там все сохранилось? (*реплика*: потому и сохранилось, что не едут!) Дело в том, что это невероятно высокобалльные земли, на них в свое время не пускали – землю пахотную берегли. Кроме того, там содержались глины – сырье для кирпичных заводов. И мне стоило больших трудов получить право занять данную территорию – это называлось «ограничить государственные запасы сырья». Тем не менее удалось. Государство в 1970-е годы пошло на этот шаг, мы сумели доказать уникальность Места. А уникальность Минска мы сейчас доказать не можем. Но она же существует! Например, водный диаметр – это великолепное средство сделать Минск европейской столицей. Я много раз говорил, что у столиц есть одна особенность: в отличие от других городов она имеет возможность и право оставить у себя в центре свободные пространства. Пусть где-то застраивают каждый метр, рубятся за рубли с этого квад-

ратного метра – ради бога, но **столица должна демонстрировать свою градостроительную свободу!** Когда же мы бездумно застраиваем центр и таким образом показываем нашей молодежи, что можно идти путем коммерциализации, искать во всем выгоду и пр., и вообще историческая память не так важна, то и она делает соответствующие выводы. Например, ведется проектирование, показываем студенту ошибки, а он говорит: «Извините, но объект уже строится. Как вы можете говорить, что тут есть какие-то недоработки?». Примерно так у нас и происходит, и дурные примеры порой становятся образцом «суперсовременного решения». Такие броские эпитеты уводят молодежь от сути, от реалий.

Помните, ректор МАРХИ И.Д. Кудрявцев рассказывал, как в 1950-е годы правительство Советского Союза в полном составе приходило смотреть дипломные проекты – они за этим видели будущее страны. Студент ничем

и никем не связан, он предлагает то, что считает действительно новым, передовым. Казалось бы, что особенное в 50-е годы студент мог предложить, но тем не менее правительство заинтересовалось. Когда у нас так было?

■ А. Сардаров:

– 1 декабря Глава государства смотрел проекты наших студентов («И я радовался!» – С. Сергачев). Они очень достойно представили себя и нашу школу. И мы сейчас ждем реального отклика, когда процесс пойдет дальше, когда появятся предложения, – ведь очевидно, что мы делаем хорошее дело и воспитываем молодежь, которая может и умеет созидать.

■ С. Сергачев:

– Я студентов раньше воспитывал на примерах положительных – как **надо**. Теперь начал подбирать негативные – вот так **не надо**. Без больших объяснений, потому что все предельно понятно: так не должно быть, так

не надо. Почему, допустим, появляются такие сооружения, как на пр. Победителей – огромное здание рядом с Белгоспроектом, совершенно ненужное, случайное, необъяснимое? Это же пример градостроительной вседозволенности...

Валерий Францевич МОРОЗОВ,

доктор архитектуры, доцент,
заведующий кафедрой
«Теория и история архитектуры»

– Думаю, нам следует более внимательно относиться к условиям места, к духу места. Во всем мире проектирование начинается не с каких-то глобальных вещей и не с композиционных замыслов, хотя это само собой разумеется, а с изучения духа конкретного места. Студенты выходят на природу, чтобы сфотографировать, почувствовать его особенности, характерные черты, и делают на эту тему эмоциональный плакат по впечатлениям. И затем только приступают к проектированию. Когда присутствует такой этап, он ведет к нормальным результатам. Точно так же и проектировщики должны более внимательно изучать место локализации своего будущего объекта. Кроме того, нам не хватает ориентации на небольшие объекты, тщательно выполненные в материале, в человеческом масштабе, скрупулезно проработанные, в том числе и в русле местных традиций.

Что касается истории архитектуры. Нам обязательно надо работать по двум направлениям. Во-первых, подготовка и издание общих трудов по архитектуре, ее теоретических, эмоциональных, символических аспектах, потому что архитектура – это тексты. Но не следует забывать и о локальных объектах: костелах, церквях, дворцах, жилых домах. Это даст возможность показать их во всей прелесть и в историческом контексте, и в контексте места, пропагандировать наше достояние.

Приведу пример из собственного опыта. В 1990-е годы были изданы мои книги «Дворец в Гомеле» и «Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура», и они получили практический отклик. Дворец Румянцевых – Паскевичей отреставрировали, благоустроили, он стал объектом номер 1 в Беларуси. Сейчас это самый посещаемый музей в стране и прекрасный дворцово-парковый ансамбль. Так что исследователи должны обращать внимание на создание текстов по отдельным памятникам. Тогда можно будет искать деньги на их воссоздание, руководство поймет, что это необходимо.

И еще. Мне немного жаль, что наш факультет по месту своего расположения теряет возможности для лучшего образования студентов. Могли бы напомнить: во всем мире архитектурные факультеты, которые находились в рамках политеchnik, в последние десятилетия отделяются. В Вильнюсе, например, нашли соответствующее место в центре города – дворец Тышкевичей. Участок облагородили, насытили его многими вещами, сделанными студентами, теперь там экспонируются проекты, организовываются выставки.

Когда мы переехали на центральную площадку (в связи с ремонтом 15-го корпуса), я тоже почувствовал прелесть духа места. Думаю, неплохо помечтать, чтобы архитектурный факультет остался здесь. Ему не надо много площадей – нужны лишь залы рисунка, проектирования, выставочный и т.д. И тогда он с его проектами, с его эстетикой стал бы одним из культурных центров столицы.

■ А. Сардаров:

– Хорошо бы. А книга Валерия Францевича – это действительно тот случай, когда историк архитектуры привлек внимание и общественности, и власти к интересным памятникам. В ушедшем году Сергей Алек-

Структурное взаимодействие городской среды и нового общественного комплекса. Диплом 1-й степени в номинации «Градостроительство» VI Республиканского конкурса дипломных проектов. Дипломник А. Костяшов, руководитель – архит. О.А. Воробьев

севич Сергачев издал монографию по Горкам. К слову, за цикл публикаций «Архитектурное наследие Беларуси и современный архитектурный процесс» он был удостоен медали и диплома Национального фестиваля. Его взгляд на одну из жемчужин нашей архитектуры – ансамбль Горы-Горецкой академии необычайно интересен и, главное, своевременен. В стране ведутся большие реставрационные работы – процесс достаточно серьезный и неоднозначный. Посмотрите, какое преобладание новодела!

■ С. Сергачев:

– Царит какой-то мичуринский подход: можно что-то с чем-то скрестить, что-то новое вывести, сказать, что это XVIII век и даже табличку повесить (имеется в виду церковь Святого Духа. – Ред.). У нас легко можно разрушить здание – да оно уже давно снесено! – из новых материалов заново построить. Я хорошо помню эту церковь, вернее, картинку, где она изображена вместе с ратушей, – во Львове в архиве нашел. Больше никаких материалов

по этой церкви, кроме искаженного фасада, нет. Т.е. был «придуман» проект по замыслу архитектора, как он себе это представляет, и выдан за аутентик. Мы хотя бы знаем, как выглядело здание два века назад. А лет через 20–30 люди будут приходить и думать, что это – действительно XVIII век.

Сейчас господствует такое понимание, что историю можно переписать, сделать заново. Оно давно начало формироваться – с Троицкого предместья. Там же никогда не было черепичных крыш, другие уклоны и т.д. Были уютные внутренние дворы, все простенько, но проектировщики «выломали» улицу, обнажили дворы и стали что-то свое, оригинальное придумывать. Так все с той поры идет и закрепляется. Вспомните историю с башней в Несвижском дворце...

■ А. Сардаров:

– Читал в «Советской Белоруссии» статью о новоделе – как это прекрасно, здорово и хорошо. Через 2 недели в «Новой волі», оппозиционной газете, точно такую же. Поразительно, что

средства массовой информации целенаправленно пропагандируют новоделы, причем всегда ссылаясь на Варшаву. Но ведь у варшавян это был скорее патриотический, чем культурный акт.

■ С. Сергачев:

– В Варшаве все было отснято, обмерено и воссоздавалось по точнейшим чертежам и фотографиям. У нас многих материалов нет, поэтому идет фантазия, компиляция.

Я через это прошел, когда создавался музей народной архитектуры и быта. Было поначалу представление, что объект можно поставить в любом месте – какая разница! Теперь-то я понимаю: раз мы вырываем его из среды, то должны найти место, где он будет чувствовать себя «как дома». И в Строчицах это замечательно получилось.

Создание музея – отдельная история, тут волевой принцип уместен, но разобрать, собрать и получить тот же результат – никогда не удастся. Поэтому мне досадно смотреть на реставрационные дела. Приезжаешь

в Жировичи и видишь наверху корпуса, где размещается училище, мансарду. Откуда, как? Мансардная крыша закономерна в городе, в тесноте – некуда развиваться, пошел в мансарду. А тут свободное пространство. И никогда мансардной крыши там не было!

**Ольга
Васильевна
БЕЛОВА,**
старший
преподаватель
кафедры «Дизайн
архитектурной
среды»

– Как мне кажется, проблемы нашей архитектуры (да и культуры в целом) зачастую кроются в необходимости быстрых решений, быстрой выдачи результатов. И внедрение новых методик градостроительного проектирования, необходимость которого отметил Г. Потаев, и проблемы сохранения традиций и аутентичной среды (духа места), затронутые С.А. Сергачевым и В.Ф. Морозовым, требуют внимания, времени и кропотливого труда. Здесь мне хочется упомянуть программы, которые реализовывались под руководством В.Л. Глазычева в конце 1970-х в различных городах России и позиционировались как направленные на поднятие культурного потенциала этих городов. Они вовлекали большое количество людей, требовали довольно большого количества времени. Но важно то, что эти программы были нацелены не на одновременный результат, а на устойчивый импульс к дальнейшему развитию, на стимуляцию местной инициативы. Конечно, речь в них шла не только о деятельности архитектора, но и о междисциплинарном сотрудничестве, и о «соучаствующем проектировании», без которых немислимо средовое проектирование, азам которого мы стремимся научить студентов в рамках дисциплин, преподаваемых на кафедре «Дизайн архитектурной среды». Сам термин «средовое проектирование» является не устоявшимся для нашей практики и зачастую требует пояснений. Здесь можно идти от определения «среды» как объекта проектирования, но тот же В.Л. Глазычев видит суть и специфику «средового проектирования» не в самом объекте, а в способе его видения, в удержании его целостности (экономической, культурной, социальной, исторической

и эстетической). И без этого целостного понимания на всех этапах проектирования и реализации невозможны адекватные решения.

Как пример быстрых и однобоких решений можно привести программу строительства агрогородков. Не секрет, что каждый регион нашей страны имеет свой архитектурный строй, свой узнаваемый язык, свой способ организации жизненного пространства. Архитектурная среда может являться способом социализации вновь прибывших людей, приобщения к местной системе ценностей... А новое жилье, предложенное по программе, всегда и везде выдает и даже нарочито выпячивает свою чужеродность, непринадлежность месту, отсутствие индивидуальности и хозяйской любви...

И когда с экрана телевизора говорят о новых программах, в частности нацеленных на реставрацию, становится немного боязно – ведь снова не будет времени на полноценную работу, но будет необходимость рапортовать. На сегодняшний день мы уже имеем ряд быстро отреставрированных памятников, вызывающих недоумение у многих: и местных, и зарубежных гостей (в данном случае я имею в виду Мирский замок).

Мы много говорим о реставрации в контексте поднятия туристического потенциала наших территорий. Еще один аспект нашего отношения к своему наследию – это нацеленность прежде всего на туристов и практически никогда на местных жителей.... Конечно, важность повышения роли исторического и архитектурного наследия в жизни местного населения далеко не очевидна. Однако это способ углубления связи человека и места, от которой, как мне кажется, во многом зависит качество жизни, ее осмысленность...

**Елена
Борисовна
МОРОЗОВА,**
доктор архитектуры, заведующая кафедрой
«Архитектура производственных объектов
и архитектурные конструкции»

– Я буду, наверное, самой оригинальной, поскольку в своей области, промышленной архитектуре, ничего и никого критиковать не хочу. Почему? Потому что здесь все сегодня объяснимо, все идет в русле мировых процессов – и позитивное и негативное, я это понимаю и не хочу всю ответственность перекладывать на проектировщиков. Архитектурная наука и архитектурная практика – это две области деятельности, которые существуют параллельно. Было время, когда наука в архитектуре росла из практики, отвечала на конкретные запросы практики и в нее же возвращалась своими рекомендациями. Кстати, такое положение делало науку зависимой, как бы обслуживающей практику, и это сформировало определенное – свысока – отношение проектировщиков к научной сфере и ее представителям.

Следует сказать, такое отношение в отдельных случаях имеет место и сегодня. Не секрет, что практики смотрят на науку скептически, она в свою очередь тоже имеет к ним некоторые претензии. Однако современная наука – уже не «служанка практики», а ее ориентир. Она действительно инициируется потребностями практики, но ее результаты не только сиюминутно обеспечивают практику рекомендациями, а, что более важно и ценно, дают понимание происходящим процессам. И с этой точки зрения все объяснимо. Промышленная архитектура – в определенной степени космополит, формирование производственного пространства в любой стране подчиняется общим законам, и сегодня некоторая стагнация, имеющая место быть и в нашей практике – закономерное явление, отражение общемировых процессов. Кроме того, в развитии промышленной архитектуры всегда присутствовали страны-лидеры – было время, когда и наша республика в составе СССР входила в мировую лидирующую группу. Сегодня мы, увы, не лидеры.

Работа наших промышленных архитекторов долгое время вообще была не видна общественности. Я имею в виду внутренние реконструкции

Международный комплекс в Минск-Сити. Дипломы 1-й степени в номинации «Архитектура» VI Республиканского и в номинации «Общественные здания» XX Международного (Ереван) конкурсов дипломных проектов, диплом Союза архитекторов Армении. Дипломник А. Кураш, руководитель – доцент Г.М. Гаврикова

предприятий, выполнявшиеся в короткие сроки в рамках имеющихся средств, но именно эти мероприятия позволили многим заводам и фабрикам возобновить производство, стать на ноги. А сегодня промышленные проектировщики занимаются уже и новыми объектами. Они умеют работать в команде, они – асы в своем деле и потому я не пытаюсь сказать им, как надо делать. Моя задача – объяснить им и, конечно, моим студентам, какие тенденции развития промышленной архитектуры есть сегодня, в чем суть происходящих процессов. Ведь архитектура включает творческий компонент, наука его может только направлять, но ни в коем случае не устанавливать.

Есть некоторые замечания к архитектуре вообще. Согласно новому генплану Минска, промышленным объектам в городе тесно, многие нерентабельны – это закономерно. Но что происходит дальше? Почему-то все забывают про «дух места», который, например в промышленном районе Ляховка,

сложился очень давно, что многие заводы – имени Кирова, Октябрьской революции, Кристалл – сохраняли свою функцию на всем протяжении своего существования. Это для промышленного предприятия очень положительный момент. Есть немало объектов, которые сохраняют «дух места» вопреки всему – войнам, революциям, социальным катаклизмам. Например, Добрушская бумажная фабрика. Мало кто знает, что это второе (!) предприятие во всей Российской империи по производству бумаги, причем запроектированное как целый социальный комплекс, как рабочее поселение. Здесь впервые в Беларуси введен 8-часовой рабочий день. Дипломница моей кафедры попыталась реанимировать это уникальное рабочее поселение в своем проекте, и получилось очень неплохо. Мы рассматривали это как начало разработки большой темы, но оказывается, в Добруше уже всюю разворачиваются китайцы. И так мало что осталось от реальной вещи, а что будет дальше...

Дорогие мои дизайнеры, архитекторы, власть! Будьте последовательны! Вы так красиво говорите о культурных памятниках. Вот стоит капличка и вокруг нее люди, они понимают, что это. А вот фабрика – тоже наша история. И что же? Как правило, ничего. Во всем мире развивается такая область науки, как промышленная археология, изучающая памятники науки, техники и промышленной архитектуры. Украинцы, россияне уже активно в этой области работают, а мы – нет. И как следствие – теряем часть своей материальной и духовной культуры.

Хочу сказать и насчет устройства конкурсов. Безусловно, жюри конкурса и входящие в него комиссии должны быть независимые – это один из главных принципов конкурсной деятельности. А у нас с этим не все в порядке. Почему бы нам, ученым, не оценивать реальные проекты? А проектировщики будут оценивать дипломные. Получится взгляд с двух позиций. Не-

Я смотрю на изменения в жизни более терпимо. Что-то будет разрушаться, будут появляться новоделы. Да, можно долго собирать публику, жильцов, общественность, выслушивать их мнения, но все-таки решение должно быть разумное, кто-то обязан его принять на себя, сказать: вот так должно быть. Ведь архитектор – он демиург, он формирует пространство, и потому вправе навязать свое видение, поскольку только он видит пространство с точки зрения красоты.

**Николай
Владимирович
КИРЕЕВ,**

заслуженный деятель искусств
Республики Беларусь, профессор,
заведующий кафедрой
«Рисунок, акварель, скульптура»

– Я и сожалею, и рад, что не архитектор, потому что, наверное, мало что мог бы изменить. Но в силу того что имею дело с будущими архитекторами, то самая главная задача, которую ставлю как педагог, – развить вкус, научить умению не только изобразить свой объект, но и думать: как, зачем, для чего? Например, студенты получают задание сделать проекции – рисунок, который освобождает их от диктата технологий, диктата строительства и пр. Фантазируйте, нарисуйте то, что нельзя построить! Увы... Фантазия однообразная, а все потому, что существует эта общая «плынь» в архитектуре.

■ **А. Сардаров:**

– Называется она массовой культурой, которая, к сожалению, сегодня доминирует и активно пропагандируется.

■ **Н. Киреев:**

– Почему город сейчас враждебен человеку? Почему появляются здания, несоизмеримые ни мысли, ни чувству, существующие сами по себе? Всегда считал, что инновации – это хорошо сохраненная традиция. Если мы положительные примеры истории нашей архитектуры будем сохранять, это и будет лучшей инновацией, но только строить ее нужно так, чтобы она была органичной и ни в коем случае не нарушала традицию.

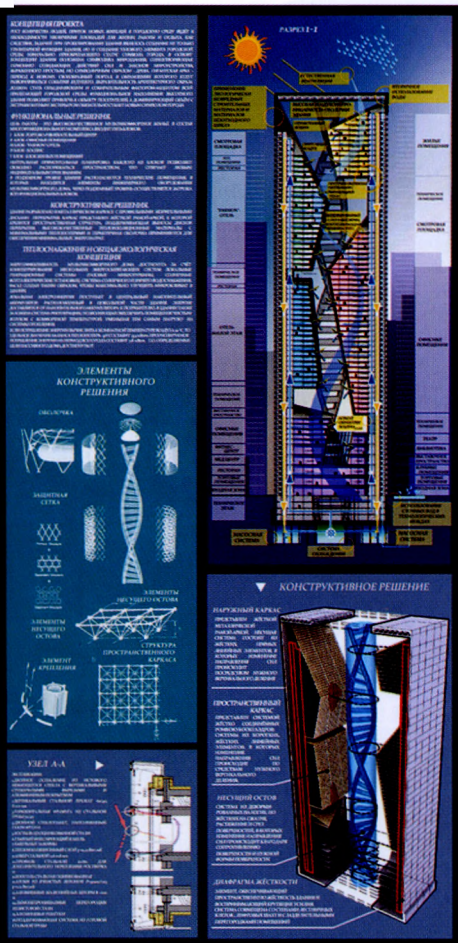
■ **Е. Морозова:**

– Уповать на то, что все будут слушать классику, не надо, давайте реально смотреть на вещи. Промышленная архитектура давно разделилась на объекты уникальные с архитектурной, эстетической, культурной точки зрения и рядовые. Эта тенденция присутствует и в массовом жилье. Есть дома, которые должны работать как машина для жилья, и их эстетика соответствующая. А мы как будто сидим на двух стульях. Пытаемся к каждому объекту предъявить гамбургский счет. Не надо придумывать велосипед. Существуют уникальные объекты, где нужно думать, где есть традиции и должен быть индивидуальный подход. А все остальное – это массовая среда и к ней должны предъявляться иные требования с точки зрения профессии.

В целом, считаю, не так все плохо. Мир движется вперед, и молодежь у нас талантливая. Да, белорусам нужно поверить в себя, но если человек очень поверил и утверждает, что «Маяк Минска» – уникальный, самый-самый, то... возникают вопросы...

■ **А. Сардаров:**

– Десять заповедей надо соблюдать. А 11-я заповедь архитектора – уважение к среде, культуре, своим коллегам.

зависимый эксперт действительно должен быть независим. А если он работает на кафедре и оценивает своих студентов, или он проектировщик и оценивает реальные проекты, то тут о независимости речь идти не может.

И еще. Согласна, что принимаются быстрые решения, согласна, что многие деньги потрачены не туда, но хочу сказать в защиту нашей сегодняшней реальности в архитектуре. Ведь дело делается, колесо катится, и если бы не довели Мирский замок до конца, то и не довели бы вообще. Да, есть орехи. Но этот комплекс функционирует, может, немного восточнославянским флером окутан, можно было бы и поскромнее. В Гомеле также хорошо функционирует отреставрированный дворец, хотя и там несуразностей хватает. И то, что эти объекты стали приносить пусть пока не деньги, но хотя бы удовлетворение, – замечательно. Надо отдать должное не только проектировщикам, но и инвесторам.